

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

DOI: 10.15838/sa.2019.5.22.10

УДК 316.34 | ББК 60.524

© **Минина В.Н., Василькова В.В.**

ОТ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА К ПРОСТРАНСТВУ ОНЛАЙН СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПОДХОДЫ И ВЫЗОВЫ¹

ВЕРА НИКОЛАЕВНА МИНИНА

Санкт-Петербургский государственный университет
Российская Федерация, 191124, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3
E-mail: vera.n.minina@gmail.com
ORCID: [0000-0002-2785-655X](https://orcid.org/0000-0002-2785-655X); ResearcherID: [G-4340-2015](https://orcid.org/G-4340-2015)

ВАЛЕРИЯ ВАЛЕНТИНОВНА ВАСИЛЬКОВА

Санкт-Петербургский государственный университет
Российская Федерация, 191124, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3
E-mail: v-vasilkova@list.ru
ORCID: [0000-0001-9335-8738](https://orcid.org/0000-0001-9335-8738); ResearcherID: [G-4319-2015](https://orcid.org/G-4319-2015)

В статье обсуждается актуальная социологическая проблема взаимосвязи онтологических и гносеологических оснований в изучении социального пространства. Авторы обращают внимание на фрагментированность исследований интернет-пространства и ставят перед собой цель проанализировать трансформацию научных подходов к проблеме социального пространства в процессе осмысления новой онтологии интернет-пространства. Обобщаются сложившиеся в классической и современной социологии методологические принципы изучения социального пространства и оценивается их релевантность применительно к описанию структуры интернет-пространства. К ним авторы относят: понимание пространства как сетевого взаимодействия индивидов, описание границ пространства через тематизацию социальных смыслов, гетерогенный характер пространства, обусловленный, прежде всего, неравномерным распределением в нем различных форм культурного и социального капиталов, его двойственная объективно-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 18-011-00988 «Структура бот-пространства онлайн социальных сетей: сетевой анализ»).

субъективная природа, формирование новых проектных форм социальной идентичности. Авторы отмечают, что современное интернет-пространство порождает исследовательские вызовы, обусловленные новой онтологией взаимодействия в пространстве онлайн социальных сетей: изменение соотношения публичного и приватного пространства; противоречия в идентификационных и презентационных практиках; рекурсивный характер формирования сетевых структур; возникновение гибридных субъектов коммуникации в онлайн социальных сетях, формирующих новые коммуникативные конфигурации. Делают вывод о том, что основными векторами, определяющими перспективы дальнейших исследований интернет-пространства, выступают: разработка новых инструментов для выявления и классификации групп и «сетевых сгущений» в виртуальном пространстве; расширение спектра методов анализа интернет-пространства в социологии (Big Data, сетевое картирование, математическое и лингвистическое моделирование, семантический сетевой анализ и др.); разработка теоретических и методологических подходов к анализу симбиотических по своей природе сетевых структур социального интернет-пространства.

Социальное пространство, онлайн социальные сети, интернет-пространство, виртуальное пространство, сетевое общество, социальная онтология, социальные боты.

Введение

Интернет-пространство занимает особое место в жизни современного человека, в его профессиональной, политической, культурной, экономической, образовательной деятельности. Оно создает среду для развития новых форм социальной организации и социального взаимодействия. Можно констатировать, что социальная жизнь разворачивается не только в реальном мире, но и в виртуальном пространстве интернета.

Специфика пространства интернета состоит в том, что это электронная сеть сетей, которая посредством компьютеров и других цифровых устройств связывает информацию и людей, создает возможность вступать в межличностные коммуникации [1, с. 307]. Понятие времени, границы, приватности и др. наполняются в нем новыми социальными смыслами.

Интерес к исследованию интернета объединил представителей разных наук в направление, получившее название «Интернет-исследования» [2]. В нем, по оценке специалистов, можно выделить два кластера: изучение технической стороны (архитектура сетей, интернет-безопасность, веб-разработки, базы данных, технологии больших данных) и изучение социальных отношений в интернете [3, с. 367]. В соци-

альных науках акцентируются социальные отношения, в том числе такие аспекты, как анализ практики использования интернета в различных социальных контекстах; правовое регулирование интернета (обеспечение конфиденциальности, свободы слова и авторских прав) [4, с. 3]; исследование структуры интернет-практик [5]; практик включения интернета в повседневную жизнь людей (см., например: [6]). Однако работы по большей части носят фрагментированный, несистемный характер, в них проблематика пространства затрагивается лишь «по касательной».

Райс (Rice) и Фуллер (Fuller) проанализировали 315 статей, посвященных разным аспектам изучения интернета, и выделили 27 тематических областей, среди которых, пожалуй, только шесть можно отнести к проблематике интернет-пространства: социальные сообщества интернета (25 статей, 7,9% публикаций); социальные группы в интернете (12 статей, 3,8% публикаций); проблематика идентичности в интернете (19 статей, 6,0% публикаций); социальные сети интернета (13 статей, 4,1% публикаций); социальный капитал (8 статей, 2,5% публикаций); понятие границы, места, времени в интернете (7 статей, 2,2% публикаций) [7, с. 360–362]. Из приведенного перечня

видно, что анализу пространства уделяется недостаточно внимания.

Социологи чаще всего исследуют влияние интернета на социальное неравенство, на динамику социального капитала, анализируют структуру и функционирование онлайн сообществ, соотношение интернета и политики (электоральные компании, социальные движения и протестная мобилизация), интернета и экономики (электронная коммерция и использование в бизнесе), интернета и социальной сферы, киберкультуры и культурных трансформаций [3, с. 371–372]. В то же время можно заметить, что в социологии не рассматриваются проблематика преемственности теоретико-методологических подходов и принципы анализа интернет-пространства как гетерогенного пространства систем взаимодействия (социальных связей) различной степени интенсивности. Авторы попытались восполнить имеющийся пробел.

Целью представленной статьи является анализ трансформации исследовательских подходов к проблеме социального пространства в процессе осмысления новой онтологии интернет-пространства. Для ее решения авторы ставят следующие задачи: обобщить и систематизировать принципы изучения социального пространства, сложившиеся в классической и современной социологии; оценить их релевантность для описания структуры интернет-пространства; определить исследовательские вызовы, связанные с изучением пространства онлайн социальных сетей; наметить исследовательские перспективы в изучении современного сетевого пространства.

Исследование пространства в классической социологии

В социологии тематика пространства впервые была поднята Г. Зиммелем. В 1903 году он опубликовал две статьи – «Социология пространства» и «О пространственных проекциях социальных форм», которые впоследствии включил в свой фундаментальный труд «Социология» (1908) [8; 9].

В концепции Зиммеля социальное пространство связано с физическим. Люди живут и взаимодействуют между собой на определенной территории, которую они освоили, и физическое пространство, его особенности накладывают отпечаток на взаимодействие индивидов и социальных групп, на процессы социализации. В свою очередь освоенное людьми физическое пространство приобретает уникальность, обусловленную формами социальной жизни. Оно определенным образом означает процесс взаимодействия. В этом смысле оно встраивается в социально-культурный контекст, и мы говорим о национальном государстве, об этнических особенностях той или иной территории, о сакральных местах. Согласно Зиммелю, физическое и социальное пространство взаимосвязаны, дополняют друг друга.

Взаимодействие индивидов – это «наполнение пространства»: «если некоторое количество лиц изолированно селится [hausen] друг подле друга в определенных пространственных границах, то каждое из них наполняет своей субстанцией и деятельностью непосредственно свое место. <...> В то мгновение, когда оба они вступают во взаимодействие, пространство между ними оказывается заполненным и оживотворенным» [10, с. 83]. Соответственно, пространство становится значимым для индивидов: каждый из участников изменяет свое душевное состояние, что влияет на придание смысла пространству.

В концепции Зиммеля социальное пространство обладает специфическими характеристиками [11, с. 1]. Их можно представить в виде дихотомических пар:

- разделение и связь: пространство делит людей на своих и чужих;
- дистанция и близость: дистанция в физическом смысле, способность индивидов воспринимать телесное присутствие и чувственное восприятие других, играет существенную роль в организации социальной жизни; чем чаще люди встречаются, тем сильнее их социальные связи; в то же время не сама по себе форма пространствен-

ной близости или дистанции создает особые явления соседства или чуждости, они формируются как результат душевного состояния индивидов и имеют общественное значение;

– наличие границ и открытость: границы обладают социальным смыслом, с одной стороны, они разделяют людей, создавая гомогенные сообщества, а с другой – соединяют, преодолеваются, когда речь идет о социальной мобильности или пересмотре норм взаимодействия.

Место имеет значение, поскольку характеризует социальное взаимодействие. Место – это концентрация социальной энергии. Принадлежность ему служит способом самоопределения индивида, оторванность от места – это дистанцирование от значимого для индивида социального единства.

Граница рассматривалась ученым в двух аспектах: 1) как географическая (территориальное деление); 2) как грань нормы, переступив которую, индивид оказывается в зоне недозволенного. В то же время нарушение нормы приводит к рождению нового качества отношений. Таким образом, граница – это переход из одного качества взаимодействия в другое.

На социальную значимость такой трактовки границы обратил внимание Г. Риккерт. Он отмечал, что «Зиммель исходит из того, что всегда и повсюду мы натываемся на границы и сами ими являемся. Но вместе с тем мы также и знаем о наших границах, и только тот может иметь знание о них, кто уже стоит вне их. <...> Важно одно: только этот способ бытия Зиммель называет жизнью, и последняя метафизическая проблематичность заключается для него в том, что жизнь одновременно и не имеющая границ сплошность и определенно ограниченное я» [12, с. 328].

Обобщая сказанное, можно выделить следующие методологические принципы анализа социального пространства, содержащиеся в концепции Зиммеля.

1. Основой для понимания пространства выступают взаимодействие индивидов и его формы. Социальное пространство изменяется в зависимости от конфигурации

и специфики занимающих его социальных групп (например, католическая или православная церковь).

2. В то же время локализация и пространственная фиксация взаимодействия индивидов влияет на социальные формы, например, развитие городов связано с определением и индивидуализацией места, будь то название улицы или нумерация домов, расположенных на ней.

3. Социальное пространство имеет границы, однако в отличие от естественных его границы – это социальный факт, пространственно формируемый и задающий конфигурацию социального опыта и взаимодействия.

4. Социальное взаимодействие характеризуется относительной степенью близости или дистанции индивидов и групп. Физическая близость людей, с одной стороны, способствует установлению более тесных социальных отношений, а с другой – порождает необходимость защиты индивидуального пространства, например, в ситуации крупного города, где высокая плотность населения. Социальная дистанция в этом случае помогает сохранить собственное «я» и избежать эмоциональных перегрузок.

5. Изменение местоположения индивидов или групп (например, путешественников или кочевых племен) приводит к стиранию социальных границ, поскольку возникает пространственная близость с другими [13].

В целом подход Г. Зиммеля к исследованию пространства предполагает, что взаимодействующие индивиды придают социальные смыслы физическому пространству, в котором они располагаются. Эти смыслы отражают соотношение реальных благ и условий жизни и их ценности для индивидов. Близость, дистанция, место как характеристики пространства социально осмыслены, наполнены конкретным содержанием в зависимости от того, кто, в какое время и в каком месте взаимодействует.

Тема социального пространства присутствует и в творчестве П. Сорокина. Однако в отличие от Зиммеля Сорокин разграничивал социальное и физическое (в его терми-

нологии «геометрическое») пространство. Он отмечал, что «...социальное пространство в корне отличается от пространства геометрического. Люди, находящиеся вблизи друг от друга в геометрическом пространстве (например, король и его слуга, хозяин и раб), в социальном пространстве отделены громадной дистанцией. И наоборот, люди, находящиеся очень далеко друг от друга в геометрическом пространстве (например, два брата или епископы, исповедующие одну религию...), могут быть очень близки социально...» [14, с. 231]. Согласно Сорокину, социальное пространство – это «некая вселенная, состоящая из народонаселения Земли». Он использовал данную категорию для идентификации социального положения людей: «...определить положение человека или какого-либо социального явления в социальном пространстве означает определить его (их) отношение к другим людям и другим социальным явлениям, взятым за такие «точки отсчета» [14, с. 231].

Сорокин выделял систему координат в социальном пространстве: «1) отношение человека к определенным группам; 2) отношение этих групп друг к другу внутри популяции; 3) отношение данной популяции к другим популяциям, входящим в человечество» [14, с. 232]. По его мнению, социальное пространство многомерно, в нем существует множество вариантов группирования людей, следовательно, есть множество осей дифференциации населения, и каждая из них специфична.

Для упрощения анализа социального пространства Сорокин выделил два параметра социальной вселенной: вертикальный и горизонтальный [14, с. 233]. Вертикальная ось делит людей на высшие, средние и низшие классы, горизонтальная располагает разные социальные группы на одной ступени социальной иерархии. Таким образом, возникает понятие «социальная стратификация», которая также имеет множество измерений. Но среди них существует три главных: экономическое (экономическое расслоение общества); политическое (политическая дифференциация); профессиональное (про-

фессиональная дифференциация). Каждая форма социальной стратификации подвержена флуктуации, что приводит к изменениям в социальном пространстве.

Сорокин характеризует социальное пространство не только через социальную стратификацию, но и через социальную мобильность. Социальная мобильность – это «любой переход индивида или социального объекта (ценности), то есть всего того, что создано или модифицировано человеческой деятельностью, из одной социальной позиции в другую» [14, с. 292]. Существует два типа социальной мобильности: вертикальная и горизонтальная. Горизонтальная мобильность – это переход из одной социальной группы в другую, расположенную на той же ступени социальной иерархии. Вертикальная мобильность – это перемещение индивида или социального объекта из одного пласта в другой. Вертикальная мобильность бывает восходящей и нисходящей. Интенсивность социальной мобильности – важнейшая характеристика социального пространства. В свою очередь социальная мобильность, циркуляция в обществе обеспечивается наличием социальных институтов.

Резюмируя, отметим основные методологические положения анализа социального пространства П. Сорокина.

1. Социальное пространство – это вселенная, включающая все народонаселение земли.
2. Социальное пространство многомерно: в нем выделяются разные социальные группы и страты.
3. Социальная стратификация и социальная мобильность – основные характеристики социального пространства.
4. Социальная стратификация имеет три главных измерения: экономическое, политическое и профессиональное.
5. Флуктуации социальной стратификации и социальная мобильность характеризуют изменчивость социального пространства, социальную циркуляцию в пространстве.
6. Социальные институты выполняют функцию социальной циркуляции в социальном пространстве.

Таким образом, изучение социального пространства – это изучение того, как стратифицировано общество, какие группы в нем взаимодействуют, какие процессы социальной мобильности наблюдаются и как они протекают.

Идеи П. Сорокина о социальном пространстве получили развитие в творчестве П. Бурдьё, но уже с учетом новых аспектов и факторов стратификации. Согласно Бурдьё, социология представляет собой «социальную топологию», а социальный мир предстает «в форме многомерного пространства, построенного по принципам дифференциации и распределения, сформированным совокупностью действующих свойств в рассматриваемом социальном универсуме, т. е. свойств, способных придавать его владельцу силу и власть в этом универсуме» [15, с. 15]. В таком смысле социальное пространство – это «поле сил, точнее совокупность объективных отношений сил, которые навязываются всем входящим в это поле и несводимы к намерениям индивидуальных агентов или же к их непосредственным взаимодействиям» [15, с. 15].

Концепция социального пространства Бурдьё отличается от концепции Зиммеля тем, что не связывает пространство с взаимодействием индивидов и их мироощущением, от концепции Сорокина – тем, что рассматривает пространство как соотношение полей, определяющих социальные позиции агентов взаимодействия. Таким образом, социальное пространство – это соотношение полей, разделяющих людей на социальные классы. Сами же поля находятся под властью капиталов: экономического, культурного, социального и символического. Позиция агента в социальном пространстве определяется позициями в различных полях, т. е. его властью, активированной в каждом поле соотношением капиталов [15, с. 16]. Взаимодействующие агенты распределяются в социальном пространстве в зависимости от размера капитала, которым обладают, а также в зависимости от сочетания своих капиталов.

Бурдьё отмечал, что социальное пространство столь же реально, как и географи-

ческое пространство. И перемещение в нем оплачивается работой, усилиями и временем. Дистанция в нем измеряется временем (например, временем подъема снизу вверх), вероятность мобилизации людей в социальные движения обратно пропорциональна удаленности в этом пространстве [15, с. 18].

Структура социального пространства определяется структурой распределения капитала, специфического для каждого поля (экономического, культурного, социального и символического). Каждое поле является местом декларированной борьбы за определение легитимных принципов деления поля [15, с. 31]. Понятие места определяется у Бурдьё двойственно: с одной стороны, это *toros*, т. е. локализация (место пребывания) индивида, а с другой – это положение, ранг в порядке, а само социальное пространство в отличие от географического определяется по различению позиций [15, с. 49–50]. Таким образом, место, будь то дом, церковь или школа, организовано так, что в нем фиксируются различия позиций агентов. Например, в классе есть место преподавателя, придающее ему особый статус по сравнению с обучающимися.

Социальное пространство, согласно Бурдьё, вписано одновременно в объективные пространственные структуры и в субъективные структуры, т. е. в восприятие людей [15, с. 52]. Место индивида в социальном пространстве определяет возможность присваивать себе физическое пространство. Способность господствовать в присвоенном пространстве главным образом за счет приобретения дефицитных благ зависит от наличного капитала. Борьба, в том числе классовая, по Бурдьё, является своего рода механизмом присвоения физического пространства и установления в нем господства. Борьба не обязательно рассматривается в физическом плане. Бурдьё большое внимание уделяет символической борьбе. Так, например, он рассматривает намеренное сокращение дистанции между людьми, занимающими разное положение в социальном пространстве и имеющими разный статус, как способ получения дополнитель-

ного преимущества. Бурдье отмечал, что «... можно пользоваться объективными дистанциями таким образом, чтобы получать преимущества от близости и преимущества от дистанции; т. е. от дистанции и от признания дистанции, которое обеспечивается символическим ее отрицанием» [15, с. 70].

Большое значение при изучении социального пространства Бурдье придает символическим системам (искусству, религии, языку, идеологии), рассматривая их как структурирующие структуры. В то же время символические системы сами нуждаются в структурном анализе [15, с. 88–89]. Бурдье отмечал, что «символические системы – средства познания и коммуникации – могут осуществлять свою структурирующую власть лишь потому, что они структурированы. Символическая власть есть власть конструировать реальность, устанавливая гносеологический порядок: непосредственное мироощущение (и в особенности – чувство социального мира) предполагает то, что Дюркгейм называл логическим конформизмом, т. е. «гомогенным восприятием времени, пространства, числа, причины, что делает возможным согласие между умами» [15, с. 88]. По Бурдье, символические продукты выступают инструментами господства.

Обобщая рассмотрение концепции социального пространства Бурдье, можно сделать следующие выводы. Социальное пространство – это соотношение полей, задаваемое соотношением капиталов, которым располагают индивиды. Каждое поле имеет свою структуру, зависящую от того, как распределяется тот или иной вид капитала. Позиция индивида в социальном пространстве связана с величиной и соотношением капиталов, которыми он располагает. Структура капиталов и полей порождает социальную дифференциацию. Позиция индивида в социальном пространстве соотносится с его диспозицией, т. е. с габитусом – ментальной структурой, через которую он воспринимает социальный мир. Социальное пространство, по Бурдье, является силовым. Власть в нем принадлежит тем, кто обладает большим капиталом. Символические системы играют

важнейшую роль в социальном пространстве, они структурируют символическое поле и служат инструментами воспроизводства власти.

Таким образом, у Бурдье социальное пространство – это не столько пространство идентификации индивидов и не только система дифференциации, сколько поле классовой борьбы, борьбы за ресурсы и власть. Концепция Бурдье оказала сильное влияние на дальнейшее развитие идей о социальном пространстве.

Интернет, виртуальное пространство и сетевое общество: новые исследовательские подходы

Появление интернета оказало существенное влияние на стратегии социологического анализа пространства. Интерес социологов, социальных исследователей стал постепенно смещаться в сторону изучения виртуального пространства (см., например: [16]).

В литературе сложились два подхода к изучению виртуального пространства, к которому относится интернет-пространство: синхронический и диахронический. По словам Р.В. Леушкина, «в рамках синхронического представления виртуального социального пространства исследуются его системные и структурные характеристики. Анализируются такие понятия, как мультиреальность, полионтичность, коммуникативный код, антропологические структуры. В рамках диахронического представления рассматриваются динамические свойства виртуального пространства. Раскрывается понятийное и смысловое содержание следующих процессов и явлений: структурирование виртуального социального пространства, виртуальный конструкт, виртуальное социальное время» [17].

В рамках синхронического направления социальное пространство рассматривается как открытое для множества концептуализаций и исследования множества пространств. В этом смысле виртуальное пространство существует в пределах «онтологического горизонта социального пространства». Само же виртуальное пространство понимает-

ся «как совокупность коммуникативных связей между акторами в социально-коммуникативной системе и выступает, скорее, социально-коммуникативным пространством» [17]. Социально-коммуникативная система является основой для понимания виртуального пространства. Исследователи выделяют несколько видов социально-коммуникативных систем: устные, письменные (печатные), электронные (виртуальные) с машинным кодом [18]. Структура и свойства данных систем определяют особенности социально-коммуникативных пространств, накладывают отпечаток на его смысловое содержание. В электронных социально-коммуникативных системах (социальные сети, блоги, мессенджеры) появляется искусственное социальное «лицо», которое «занимает место инстанции, имеющей полное существование в ситуации любой коммуникации» [19, с. 1375].

Базовым элементом виртуального социального пространства выступает виртуальный объект как «объект реальности, обладающий свойством неполноты действительного существования», т. е. «его онтологические структуры не находятся в области актуального измерения данной действительности» [17]. К виртуальным объектам относятся виртуальные формы капитала, искусственные акторы, программные продукты и др.). Но виртуальные объекты не единственные элементы виртуального социального пространства. Другим важным элементом являются коммуниканты – люди, чья активность приводит в движение виртуальные объекты. Это виртуальные субъекты. Анализ виртуальных объектов и субъектов выступает необходимым элементом стратегии исследования виртуального пространства.

Диахронное направление акцентирует внимание на причинах и условиях существования виртуального социального пространства, на его динамических характеристиках. При таком подходе возникает необходимость введения понятия «виртуальное время». Время фиксирует процессы структуризации виртуального социального

пространства. Динамика виртуального пространства обладает спецификой по сравнению с его традиционными разновидностями: в нем создаются новые виды социальных конструкторов, способные изменять облик социального пространства. К их числу относятся: электронная экономика, интернет-сообщества, киберспорт, киберпреступность, дистанционное образование и др. [17].

Топология виртуального социального пространства зависит не столько от географических факторов, сколько от каналов распространения коммуникативных и культурных кодов. В этом смысле виртуальное социальное пространство является альтернативным, существующим параллельно традиционным социальным пространствам [17].

Таким образом, в исследованиях виртуального пространства акцентируются важные аспекты: взаимодействие виртуального объекта с виртуальным субъектом; виртуальное время, фиксирующее процессы структуризации виртуального пространства; влияние коммуникативных каналов на топологию виртуального пространства.

В социологии актуализируется интерес к изучению сетевых структур общества, порожденных интернетом, которые с точки зрения анализа социального пространства являются более сложными.

В фундаментальном труде «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» [20] М. Кастельс доказывает, что главная черта информационной эпохи – сети, связывающие между собой людей, институты и государства [21, с. 135]. Сетевые структуры развиваются на основе информационно-коммуникативных технологий (ИКТ). По Кастельсу, расширение масштабов использования ИКТ привело к реструктуризации капиталистического производства: деловая активность стала осуществляться в реальном времени без пространственных ограничений. Возник феномен глобальной экономики. Вслед за этим появились понятия «глобализация», «глобальное общество», «глобальное пространство» и др.

Глобальное пространство по своей природе социально-коммуникативное, а по

устройству – сетевое. В его основе лежат сети взаимодействия на базе ИКТ и обмена потоками информации. В нем возникают новые формы интеграции – сетевые структуры, гибкие, адаптивные, повышающие мобильность рабочей силы и ускоряющие движение капиталов. В то же время глобальное пространство не снимает с повестки дня вопрос о национальных государствах, оно свидетельствует об усложнении структуры социального пространства. Сетевые структуры и сетевые отношения постепенно заполняют социальное пространство, и общество становится сетевым.

Размышляя об информационной экономике, Кастельс отмечает, что в информационную эпоху большая корпорация уже не может оставаться замкнутой и самодостаточной, она трансформируется в сетевую структуру, жизненными принципами которой являются децентрализация, самопрограммирование и самоуправление на основе участия и координации [20, с. 163, 166].

Сетевые структуры изменяют отношения власти в экономике и обществе: «логика сети имеет больше власти, чем власть в сети» [20, с. 193]. В экономике это означает перераспределение власти между работодателями и сетевыми работниками (власть корпораций ослабевает).

Расширение масштабов информационного обмена приводит к изменению структуры занятости: появляется гвардия информационных работников, которые, строго говоря, не привязаны к фиксированному рабочему месту. В связи с этим рабочее место приобретает новый социальный смысл: локализация утрачивает свою значимость. Перемещение в социальном пространстве, мобильность становятся экономически востребованными. Пространство потоков сетевого общества, по Кастельсу, перекрывает пространство мест традиционного общества.

В сетевом обществе вовлеченность в сети становится необходимым условием существования людей: если ты не в сети, ты исключен из общественной жизни. Однако включенность в сети имеет для общества и оборотную сторону: распространение ин-

тернета, развитие в нем социальных медиа ведут к его фрагментации, поскольку каждая аудитория получает дозированную и специально отобранную информацию. Также в связи с расширением доступности многоплановой информации благодаря ИКТ возникает эффект «диванной жизни», т. е. локализация, привязка к дому, к месту проживания стимулируется развитием ИКТ. В связи с этим можно сказать, что общество атомизируется, появляются локальные пространства частной жизни, слабо связанные процессами взаимодействия лицом к лицу. Еще одно важное обстоятельство, на которое обращает внимание Кастельс, это социальная цена включения в сеть: «ценой за включение в систему станет требование адаптации к ее логике, ее языку, ее «проходному баллу», ее кодировке и декодировке» [20, с. 374]. То есть, если мы говорим об электронной социально-коммуникативной системе, получается, что она навязывает свою логику взаимодействия, и люди, вовлеченные в интернет-сети, должны ей подчиняться. Кастельс пишет: «это система, в которой сама реальность ... полностью схвачена и погружена в виртуальные образы, в выдуманный мир, в котором внешние отображения на экране не только сообщают о некоем опыте, но и сами становятся опытом» [20, с. 373].

Важную роль в изучении интернет-пространства, на наш взгляд, играет постановка Кастельсом вопроса о времени в сетевом обществе. Он считает, что происходит «слом ритмичности», т. е. привычного, устоявшегося ритма жизни (время труда, отдыха, сна, развлечений). Манипуляции временем, вплоть до биологических фаз жизни, – это характеристика сетевого общества.

И проблема идентичности в сетевом обществе решается по-другому. Кастельс говорит о «проектной» идентичности, т. е. о возможностях мобилизации социальных движений в сети Интернет. Конечно, новые формы идентичности не отменяют прежних, но существенно модифицируют их. И здесь Бурдые прав, габитусы не могут отрываться от реальных социальных струк-

тур и социального неравенства, порождаемых соотношением полей и капиталов.

Методологический подход Кастельса дает ключ к новому восприятию параметров социального пространства, описанных еще Зиммелем.

Пространство онлайн социальных сетей: вызовы и исследовательские перспективы

Новая смешанная (точнее – симбиотическая) онтология современного сетевого общества, объединяющая виртуальное и физическое пространство, диктует необходимость переосмысления сложившихся исследовательских подходов к анализу социального пространства, что объясняется, в первую очередь, новыми вызовами в изучении сетевой интернет-коммуникации и появлением феномена онлайн социальных сетей. Важно понять, какие аналитические характеристики в рамках этих подходов продолжают быть востребованными, какие из них претерпевают интерпретационную трансформацию и, наконец, каковы перспективы в разработке новых исследовательских стратегий.

Не ставя перед собой задачи проанализировать всю структурную совокупность интернет-сообществ, мы можем констатировать, что по-прежнему актуальными остаются те теоретико-методологические подходы, которые рассматривают интернет-пространство как гетерогенное пространство систем взаимодействия (социальных связей) различной степени интенсивности. В этом плане мы можем сформулировать ряд принципов, сложившихся в классической и современной социологии и являющихся релевантными для описания интернет-пространства и его структуры:

- интернет-пространство – это социальное пространство, в котором взаимодействие индивидов характеризуется частотой и плотностью их связей;

- границы социального пространства интернета определяются разделяемыми социальными смыслами взаимодействующих индивидов;

- топология интернет-пространства зависит от каналов распространения коммуникативных и культурных кодов;

- интернет-пространство является по своему характеру гетерогенным;

- наличие зон (полей) социального пространства интернета обусловлено распределением в нем экономического, культурного, социального и символического капиталов;

- интернет-пространство представляет собой совокупность объективных пространственных структур и субъективных структур восприятия (символических систем);

- сети, связывающие между собой людей, институты, государства и их совокупности, характеризуют социальное пространство информационной эпохи;

- сети порождают новые (проектные) формы социальной идентичности.

Данные принципы мы можем интерпретировать как составляющие актуальной исследовательской стратегии изучения сетевого пространства.

Более того, появление технологий Web 2.0 и онлайн социальных сетей значительно расширяют сетевое пространство социального взаимодействия. Теперь сами пользователи стали активными субъектами киберпространства, способными не только создавать контент, но и выстраивать интенсивное взаимодействие друг с другом и контентом «путем установления связей оценок, комментариев, распространения информации и т. д.» [22, с. 37]. Формируется коммуникативная модель, которая может быть обозначена как «многие – многим».

Складываются новые сетевые конфигурации взаимодействий, отражающие неравномерное распределение социального капитала и порождающие новые значимые параметры измерения социального капитала, такие как потенциал внимания на том или ином участке сети [23], который может успешно монетизироваться в реальные доходы (например, блогеры или селебрити в рекламной индустрии).

При этом новая онтология взаимодействия в онлайн социальных сетях порождает новые эффекты в организации социального

пространства. Их можно рассматривать как вызовы для современных исследователей. Обозначим некоторые из них.

1. Прежде всего, речь идет об изменении соотношения публичного и частного пространства. В онлайн социальных сетях информация о частной жизни пользователя становится общедоступной (по добровольному желанию самого пользователя), и в этом смысле индивид лишается своего личного пространства. Такая ситуация порождает целый ряд рисков и опасностей, начиная с проблемы конфиденциальности персональных данных и личной информации, заканчивая проблемой социально-психологической зависимости от положительной оценки представленной в публичном пространстве информации другими пользователями, вплоть до появления психосоматических расстройств на этой почве.

2. Возникают новые проблемы и противоречия, связанные с формами самоидентификации и самопрезентации в пространстве социальных сетей. Конструирование «проектной идентичности» в виртуальном пространстве, с одной стороны, приводит к свободе и «фантазийности» в создании собственного образа, освобождает от жестких институционально заданных идентификационных рамок. Однако анонимный характер виртуального взаимодействия создает новые проблемы и противоречия. Возможно не только искажение идентификационных характеристик (например, трансформация пола, возраста, национальности, внешности и т. д.) по усмотрению пользователя, создающего образ «идеального Я». Гораздо более глубокой (и мало рефлексированной) проблемой является то, что онлайн социальные сети диктуют свои – весьма ограниченные – параметры идентификации: «... технические средства социальных сетей задают своеобразное клише в виде готового набора функций и вариантов заполнения тех или иных полей страницы пользователя, с помощью которого и осуществляется самопрезентация» [24, с. 247].

3. Рекурсивный характер онлайн взаимодействия значительно усиливает значи-

мость «эффекта эхо-камеры» в структурировании социальных сетей. Данный эффект фиксирует зависимость человека от влияния близкой ему социальной группы: человек склонен считать правдоподобной и принимать ту информацию, которая согласуется с уже сформированными им представлениями и поступает от тех людей, которых он воспринимает как себе подобных [25, с. 25]. В контексте нашего рассмотрения можно сказать, что воздействие «эхо-камер» на организацию сетевого пространства имеет амбивалентный характер. С одной стороны, они поддерживают солидарность уже сложившихся в офлайн-пространстве сообществ, а также способствуют созданию новых сообществ на основе общих ценностей и социально-психологических предпочтений. С другой стороны, они несут определенные угрозы, создавая условия для «сетевого уплотнения» при взаимодействии пользователей, разделяющих сознательно искаженную информацию (фейковые новости) или экстремистские устремления различного характера.

4. Развитие компьютерных технологий приводит к возникновению новых по своим онтологическим характеристикам субъектов, организующих новые коммуникативные конфигурации и новые гибридные коммуникативные сети. Речь идет о социальных ботах – алгоритмизированных программах, имитирующих поведение реальных пользователей социальных сетей. Их цели различны, но часто включают в себя формирование интерактивного взаимодействия и практики социальных сетей пользователей.

Большинство исследователей в области компьютерной безопасности рассматривают социальные боты как угрозу, связанную с использованием методов социальной инженерии для манипулирования людьми с целью их эксплуатации [26; 27]. Однако другие исследователи, учитывая, что распространение бот-технологий на наших глазах становится рутинным явлением, говорят о том, что социальные боты можно рассматривать как фактор формирования новой «социальной архитектуры», в которой про-

исходит создание предметных отношений между людьми и формирование совокупного социального поведения и моделей взаимоотношений между группами пользователей в интернете [28, с. 7–9].

Бот-технологии позволяют активно формировать социальную топологию человеческих сетей в интернете для получения желаемых результатов. Сети ботов могут быть использованы для восстановления разорванных связей между противоборствующими социальными группами и преодоления существующих «социальных разрывов». Социальные боты могут способствовать развитию гражданской активности и участию в выборах. Более того, сами боты могут значительно улучшить наше понимание того, как формируются отношения в социальных сетях и каковы основные механизмы, которые управляют социальным поведением в интернете. В настоящее время трудно предсказать, какой из двух вероятных сценариев разворачивания социальной архитектуры – положительный или отрицательный – возьмет верх. Однако становится ясно, что социальные боты в силу своей гибкости и «вирусной» природы могут вызывать значительные изменения в социальных конфигурациях, складывающихся в интернет-пространстве.

Поэтому при изучении интернет-пространства представляется целесообразным сосредоточиться не на технологиях «уничтожения» злонамеренных ботов, манипулирующих людьми (хотя эти исследования по-прежнему остаются актуальными и востребованными), а на понимании сложных и многоплановых отношений между ботом и человеком, на анализе гибридных форм новой субъектности и новых сетевых конфигураций. В этом плане интересным и перспективным представляется исследование системы взаимодействия реальных пользователей социальных сетей и ботов с автоматизацией различного уровня (боты с ботами, люди с ботами, боты с людьми) [29].

Новые исследовательские вызовы стоят перед исследователями социального пространства целый ряд перспективных проблем, среди которых можно выделить

следующие: 1) проблемы идентификации предмета исследования: необходимы новые исследовательские инструменты и параметры для выявления и классификации групп и «сетевых сгущений» в виртуальном пространстве и их соотношений с процессом социального структурирования офлайн-пространства; 2) проблемы расширения спектра методов анализа интернет-пространства в социологии (Big Data, сетевое картирование, математическое и лингвистическое моделирование, семантический сетевой анализ и др.); 3) проблема формирования новых исследовательских стратегий, для чего необходимы выход в зону самой широкой междисциплинарности и выработка теоретического инструментария анализа симбиотических по своей природе сетевых структур социального пространства, перспективы которой отчасти заданы идеями Б. Латтура, однако вряд ли могут ограничиваться ими.

Заключение и выводы

В последние десятилетия социология претерпевает сложный период переосмысления своей дисциплинарной идентичности – значимости существующих теоретико-методологических наработок, границ и специфики социологического знания, эффективности методов получения и обработки социологической информации. Возникают версии «иной» социологии как способа «пересборки» знания, перехода от «социологии социального» к «социологии ассоциаций» (Б. Латур, Дж. Урри), прежде всего, как попытка рефлексии новых онтологических характеристик современного общества, которое описывается как изменчивое и гетерогенное состояние «текучести», «потоков», смены «сетевых конфигураций» [30]. При этом поиски «новой социологии», связанные с радикальным пересмотром самих оснований конструирования социологического дисциплинарного знания, существуют параллельно с реализацией традиционных исследовательских программ. Современный социолог, по большому счету, вынужден каждый раз конструировать собственный исследовательский дизайн для обоснова-

ния достоверности полученных результатов. Причем эти действия связаны не только с необходимостью описания предметной специфики проводимого исследования, но и с необходимостью переосмысления теоретического инструментария.

Проведенное авторами исследование имеет теоретическую и практическую значимость, поскольку в нем предпринята попытка систематизировать теоретико-методологические подходы к анализу одного из ключевых концептов социологии – социального пространства – не только с позиции «инвентаризации» сложившегося знания, но и с позиции его трансформации в контексте формирующейся новой онтологии виртуального сетевого пространства.

Рассмотрены подходы к анализу социального пространства, сложившиеся в классической социологии (Г. Зиммель, П. Сорокин, П. Бурдье), а также показана трансформация этих подходов применительно к анализу новой онтологии интернет-пространства (М. Кастельс, М. Маклюэн). Впервые систематизированы принципы, сложившиеся в классической и современной социологии, которые являются релевантными для описания пространства онлайн социальных сетей.

Это понимание пространства как сетевого взаимодействия индивидов, описание границ пространства через тематизацию социальных смыслов, гетерогенный характер пространства, обусловленный, прежде всего, неравномерным распределением в нем различных форм социального капитала, двойственная объективно-субъективная природа этого пространства, формирование новых проектных форм социальной идентичности.

Определены исследовательские вызовы, связанные с изучением новой онтологии взаимодействия в пространстве онлайн социальных сетей: изменение соотношения публичного и частного пространства; противоречия в идентификационных и презентационных практиках; рекурсивный характер формирования сетевых структур; возникновение гибридных субъектов коммуникации в онлайн социальных сетях, формирующих новые коммуникативные конфигурации.

Обозначены векторы и исследовательские перспективы в изучении сетевого пространства, связанные с переосмыслением предмета исследования, расширением методов анализа, а также разработкой новых исследовательских стратегий.

ЛИТЕРАТУРА

1. DiMaggio P., Hargittai E., Neuman W.R., Robinson J.P. Social Implications of the Internet. *Annual Review of Sociology*, 2001, vol. 27, pp. 307–336. Available at: <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.27.1.307>
2. Baym N.K. Internet Research as is Isn't, Is, Could Be, and Should Be. *ICT Research and disciplinary boundaries: Is "Internet Research" a virtual field, a proto-discipline, or something else? Special issue of The Information Society*, 2005, vol. 21 (4), pp. 229–232. Available at: <http://dx.doi.org/10.1080/01972240591007535>
3. Рыков Ю., Нагорный О. Область интернет-исследований в социальных науках // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 3. С. 366–394. DOI: 10.17323/1728-192X-2017-3-366-394
4. Dutton W.H. Internet Studies: The Foundations of a Transformative Field. *The Oxford Handbook of Internet Studies* (eds. W.H. Dutton). Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 1–23. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199589074.013.0001
5. Бойко Н.Л. Содержательно-целевое структурирование социальной активности в интернете // Logos et Praxis. Социология и социальные технологии. 2018. Т. 17. № 4. С. 67–73. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2018.4.8>
6. Bakardjieva M. Internet in Everyday Life: Diverse Approaches. In: Consalvo M., Ess C. (eds.). *The Handbook of Internet Studies*. Oxford: Blackwell, 2011. P. 59–82.
7. Rice R.E., Fuller R.P. Theoretical Perspectives in the Study of Communication and the Internet. Dutton W. (eds.). *Oxford handbook of Internet studies*. Oxford, UK: Oxford University Press, 2013. P. 353–377.

8. Simmel G. The Sociology of space. In: Frisly D., Featherstone M. (eds.). *Simmel on Culture*. London: Sage Publication, 2000. P. 137–174.
9. Simmel G. *Soziologie: Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung*. Leipzig: Dunker und Humboldt, 1908. 782 s.
10. Филиппов А.Ф. Социология пространства. СПб.: Владимир Даль, 2008. 285 с.
11. Frisby D. Introduction to Simmel Texts. *Theory, Culture & Society*, 1994, no. 11 (1), pp. 1–3. DOI: 10.1177/026327694011001001
12. Риккерт Г. Философия жизни. Киев: Ника-Центр: Вист-С, 1998. 505 с.
13. Fearon D. *Georg Simmel: The Sociology of Space*. CSISS Classics, 2004. Available at: <https://escholarship.org/content/qt7s73860q/qt7s73860q.pdf?t=о0wu7k>
14. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонова. М.: Политиздат, 1992. 393 с.
15. Бурдьё П. Социология социального пространства: пер. с фр.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
16. Иванов Д.В. Виртуализация общества. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. 96 с.
17. Леушкин Р.В. Виртуальное социальное пространство: понятийная база исследования // Философская мысль, 2017. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_19312.html (дата обращения 03.12.2018).
18. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева. М.: Кучково поле, 2007. 464 с.
19. Леушкин Р.В. Виртуальная социальная коммуникация: онтологический ракурс исследования // Философские науки. 2014. № 9. С. 1374–1377. DOI: 10.25136/2409-8728.2017.7.19312
20. Castells M. *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Vol. 1. Oxford, Blackwell, 2010. 650 p.
21. Уэбстер Ф. Теории информационного общества / пер. с англ. М.В. Арапова, Н.В. Малыхиной; под ред. Е.Л. Вартановой. М.: Аспект Пресс, 2004. 400 с.
22. Чесноков В.О. Применение алгоритма выделения сообществ в информационном противоборстве в социальных сетях // Вопросы кибербезопасности. 2017. № 1 (9). С. 37–44. DOI: 10.21581/2311-3456-2017-1-37-44
23. Декалов В.В. Коммуникативный капитал: концептуализация понятия // Вестн. СПбГУ. Социология. 2017. Т. 10. Вып. 4. С. 397–409. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2017.402>
24. Максимова А.А., Шандрик Е.О. Социальные сети как пространство самоидентификации молодежи // Вестн. экономики, права и социологии. 2016. № 4. С. 246–248.
25. Василькова В.В., Садчиков Д.И. Фейки и боты как механизмы информационных искажений в социальных сетях // Казан. соц.-гуманит. вестн. 2019. № 2. С. 24–30. DOI: 10.24153/2079-5912-2019-10-2-24-30
26. Hadnagy C. *Social engineering: The art of human hacking*. Indianapolis, Wiley Publishing Inc., 2011. 477 p.
27. Hwang T., Pearce I., Nanis M. Socialbots: Voices from the fronts. *Interactions*, 2012, no. 19 (2), pp. 38–45. DOI: 10.1145/2090150.2090161
28. *Socialbots and their friends. Digital Media and the Automation of Sociality*. Ed. by R.W. Gehl and M. Bakardjieva. New York: Routledge, 2017. 254 p.
29. Varol O., Ferrara E., Davis C.A., Menczer F., Flammini A. Online human-bot interactions: Detection, estimation, and characterization. In: *Proceedings of the Eleventh International Conference on Web and Social Media*, 2017. URL: <https://www.aaai.org/ocs/index.php/ICWSM/ICWSM17/paper/viewPaper/15587>
30. Василькова В.В. «Текущая современность»: базовые параметры неопределенности // Мир человека: неопределенность как вызов / отв. ред. Г.Л. Фролова. М.: ЛЕНАНД, 2019. С. 146–158.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Вера Николаевна Минина – доктор социологических наук, профессор, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет». Российская Федерация, 191124, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3; e-mail: vera.n.minina@gmail.com

Валерия Валентиновна Василькова – доктор философских наук, профессор, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет». Российская Федерация, 191124, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3; e-mail: v-vasilkova@list.ru

© Minina V.N., Vasil'kova V.V.

FROM SOCIAL SPACE TO ONLINE SOCIAL MEDIA SPACE: RESEARCH APPROACHES AND CHALLENGES

The article discusses the actual sociological problem of interrelation of ontological and epistemological bases in the study of social space. The authors draw attention to the fragmentation of Internet space research and aim to analyze the transformation of scientific approaches to the problem of social space in the process of understanding the new ontology of Internet space. The methodological principles of studying social space developed in classical and modern sociology are generalized and their relevance in relation to the description of the Internet space structure is assessed. These include: understanding of space as a network individuals' interaction, description of the boundaries of space through the thematization of social meanings, heterogeneous nature of space due primarily to the uneven distribution of various forms of cultural and social capital, its dual objective-subjective nature, the formation of new project forms of social identity. The authors note that the modern Internet space generates research challenges caused by a new ontology of interaction in the space of online social networks: changing the ratio of public and private space; contradictions in identification and presentation practices; recursive nature of the network structures formation; the emergence of hybrid subjects of communication forming new communicative configurations in online social media. It is concluded that the main vectors defining the prospects of the further Internet space researches are the development of new tools for detection and classification of groups and the "network concentration" in the virtual space; expanding the range of methods for the analysis of social space (Big Data, network mapping, and mathematical and linguistic modeling, semantic network analysis, etc.); development of theoretical and methodological approaches to the analysis of social Internet network structures which are symbiotic by nature.

Social space, online social networks, Internet space, virtual space, network society, social ontology, social bots.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vera N. Minina – Doctor of Sociology, Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "St. Petersburg State University". 1/3, Smolny Street, St. Petersburg, 191124, Russian Federation; e-mail: vera.n.minina@gmail.com

Valeria V. Vasil'kova – Doctor of Philosophy, Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "St. Petersburg State University". 1/3, Smolny Street, St. Petersburg, 191124, Russian Federation; e-mail: v-vasilkova@list.ru